

Витька

1

«Рассказывают, что у скифов водится очень редкое животное, которое называется Тарандом. Говорят, что оно меняет цвет шерсти, смотря по месту, где находится, поэтому трудно ловить его, так как окраска Таранда уподобляется цвету деревьев, местности и вообще всего, что его окружает. С виду же это животное сходно с быком, а голова похожа на оленю...»

Мобильник дважды брякнул в судовой колокол: эсэмэска. Витька отвернулся от монитора, взял телефон со стола, ткнул «Открыть». На дисплее были два ноля. И ничего больше.

Он глубоко вдохнул, выдохнул, сунул мобилу в карман. Снова повернулся к компьютеру, который под конец рабочего дня нагло использовал в личных целях, полупраздно слоняясь по Сети; быстро закрыл Интернет, кликнул выключение. Выдвинул ящик стола, коротко там пошарил; ничего не взяв, резко, с грохотом вбил его на место. Монитор еще демонстрировал лазурную заставку «Виндоуса», а Витька уже поднялся, бросил в пространство общее «пока» и на слегка неверных от внезапного впрыска адреналинчика ногах вышел из офиса.

«Как Шервуд Андерсон, — подумал он, отрывисто, тиком, ухмыльнувшись, — работал, работал, а потом просто встал, снял с гвоздя шляпу и хлоп-

Алексей Евдокимов

нул дверью...» В коридоре пара кувшинных рыл с бессмысленным выражением повернулась в его сторону.

Весь офисный курятник валил с работы, лифт тормозил на каждом этаже — сначала Витька нервно переминался в его ожидании, потом — в ожидании, пока он спустится. Нижним этажом считался тут, понятно, первый (у нас не какая-нибудь Европа), но сейчас Витька, впервые увидев на панели лифта ноль, нажал кнопку рядом с ним — и все равно в итоге оказался в вестибюле. Сегодня это и был для него нулевой уровень. Он обнулял весь предыдущий счет.

Минуя вахту, он снова поймал себя на том, что ускоряет шаг. Он понимал, что суетится, и понимал, что зря: ЭТИ еще никак не могли успеть его вычислить — временной люфт у него пока был... Должен был быть...

Снаружи он остановился, пожалев, что не курит — в самый раз было неторопливо прищепить губами фильтр, клацнуть зажигалкой... Витька огляделся, почти физически, до головокружения, чувствуя абсолютное собственное выпадение из контекста, какое-то космическое отчуждение от окружающего: от набыченных, приглушенно коммуницирующих промеж собой на ступеньках крепьшей в галстуках, от раздраженно выворачивающихся из стеклянной «вертушки» чем-то страшно озабоченных теток, от полированных табличек с фантазмагорическими надписями («МАС ГНБ. Международная ассоциация специалистов горизонтального направленного бурения»)...

До метро было минут пять ходу. На «зебре» его

чуть не сшибла древняя, заполошно ревущая «бэм-ка» без глушак с маячащими над передними сиденьями бильярдными шарами бритых калганов. В окне явно пустого бетонного уroda белел громадный оборванный лист: «Требуется уборщ.».

Возле станции благостного вида бомжик поинтересовался, какой сегодня день недели. «Понедельник вроде, — хмыкнул Витька, высматривая в дурных веселых глазках, светленьких на закопченном волосатом лице, некий намек для себя... скорее — пример... — Двадцать первое августа. Две тысячи шестого года». Редкие бровки бомжа задрались словно в изумлении.

«Жопозавр» — без пояснений вывел кто-то баллончиком на облупленной стене. Парочка жопозавров в ментовской форме угрюмо разглядывала входящих-выходящих, что отпихивали друг другу тугие стеклянные двери.

Витька купил карточку и, отойдя от кассы, став спиной к соседней неработающей, некоторое время с деланой рассеянностью изучал гулкий людный вестибюль. Потом быстро направился к турникету, шлепнул карточкой о желтый глаз и посыпался по левой части эскалатора. Примерно на середине резко остановился и обернулся. Никто, конечно, за ним не бежал. Рано им пока...

ПОКА...

Да, но пока рано.

«Ни-е!.. Ни-е!.. Просто прокрутить, по краю отшлифовать и можно под резьбу!..» — гундосил в мобилу лысоватый, плотный и округлый, как репа, дядек ступенькой выше него. Витька посмотрел вниз. Прямо перед ним, одной рукой, гирепоп-

Алексей Евдокимов

добной жменей, небрежно опершись о резиновый рельс, другой придерживая под мышкой девку, ехал раздутый бройлер с выбритыми блондинистыми висками и затылком; на покатых его плечищах натянулась черная майка с хвостатыми солярными символами и крупным багровым слоганом: «За нашу землю! За нашу расу!»

Не в силах не кривиться, Витька отвернулся к соседней лестнице, по которой всплывали из-под земли собранные, сжатые, как кулаки, лица, стеклянные непрозрачные глазки, цепко облапившие друг друга парочки. Тогда он поднял взгляд к полусферическому своду. Там двумя параллельными шеренгами волоклись цветастые щиты, рекламные тёлки с неестественными гримасами, бредовые фразы, частоколы восклицательной пунктуации: все чаще, все гуще, все больше... «SMS-экстра! Больше возможностей для интернет-общения!»; «Oriflame: узнай больше о новой помаде!»; «Двигайся больше, живи дольше: уникальная финтес-программа...»; «Деньги могут больше! Эффективные финансы...».

Витька крепко зажмурился, подождал несколько секунд, разглядывая размытые негативы на сетчатке... Когда открыл глаза — перед ним была та же реклама, только почему-то он все не мог выдрать взгляд из очередного щита, не понимая, что там изображено и что написано, но чувствуя некий непорядок.

Наконец Витька сосредоточился и, вывернув голову (щит почти уполз вверх), все-таки прочитал подпись под ни с чем не сообразной картинкой: каким-то галлюцинаторным существом... зверем... «В Северных горах, на горе Красных испарений,

живет эршу — мышь с заячьими ушами и туловищем лося. Крик эршу похож на собачий вой. Он летает, маша огромным хвостом. Съешь его — не заболеешь животом...»

Витька так ничего и не понял, а мимо ехал уже новый щит: «Есть божество — лицо у него человечесье, тело змеи. Тело его раздвоено подобно оглоблям, справа и слева — головы; оно носит фиолетовую одежду и красные шапки...»

И следующий: «Бинфэн водится к востоку от горы Усянь, обликом подобен дикому кабану, спереди и сзади у него по голове...»

Витька, конечно, не собирался больше появляться ни дома, ни в офисе, ни у друзей, по крайней мере, у всем известных. Он слабо представлял себе возможности и ресурсы ЭТИХ, но догадывался, что они не малы; тем более что поиск совершенно обычного, в жизни ни от кого не прятанного человека, имеющего постоянное место работы и жительства, мобильник, банковские счета и карточки, даже теоретически не требует особых усилий. К тому же Витька, как и все, наслышан был о свободной торговле электронными базами данных (хотя какую именно информацию о нем, в какие сроки и с каким трудом может получить абсолютно посторонний человек, представлял, как и все, довольно смутно).

— Да ты че, Витек, — поразился по телефону его неосведомленности Колюня, — люблю! Твои паспортные данные, налоговая отчетность, регистрация, недвижимость, работа, правонарушения, вплоть до распития в общественном месте десять

Алексей Евдокимов

лет назад или даже подпольного просмотра западного видеофильма году в восемьдесят втором — все это висит в базах разных госорганов. Все твои деньги: счета, кредиты, платежи — в банковских базах. А в нашей замечательной стране любые базы доступны любому интересующемуся. Вопрос только в цене. Причем если частные, скажем, конторы (те же банки) еще стараются не допускать утечек, то есть утечки оттуда стоят дорожке, то инфля от государства продается почти как семечки. На всех радиорынках вместе с порниками и голливудскими экранными «тряпками»... Поехали дальше: электронное слежение. Следы оставляет каждый вход в Сеть, каждое снятие денег с кредитки, каждое соединение мобилы, даже проход через турникет метро с магнитной карточкой. Главное — знать, кого именно пасти. Естественно, к конфиденциальной информации имеют доступ менты, а поскольку менты у нас находятся в широкой продаже, то и любой желающий. Например, бандиты, вычисляющие «заказанного»...

Витька отключился с ощущением легкой тошноты и машинально развернулся к дверям, за которыми как раз засветилась, замелькала очередная платформа. Так, где мы? Переход на станцию «Площадь Революции» Арбатско-Покровской линии...

Уже добрый час он катался по Кольцевой в духоте и толкучке, временами почти ходынской, регулярно пересеживаясь и пересекая по другим линиям центр. Всякий раз, зайдя в вагон или присев на жесткую станционную скамеечку, прилежно осматривался на предмет чрезмерно прилипчивых

попутчиков, но, как и следовало ожидать, ничего не замечал.

Собственно, в метро он полез, главным образом, чтобы звонить. Витька слышал, что местонахождение владельца сотового можно определить в момент соединения, и хотя не знал ничего достоверно, решил, что, звоня из движущегося поезда да постоянно меняя направление, он в любом случае сильно уменьшит риск обнаружить себя. Не говоря о том, что в переполненной подземке его, даже вычислив, не так просто будет отловить...

Он боком вписался меж сходящихся — бряк! — дверных створок и плюхнулся на неожиданное свободное сиденье. Прикинул, кого еще можно набрать. Каринку? Спросить, не заявлялись ли пока к ней?.. Хрен она станет разговаривать после всего. Хрен вообще ответит... Он все-таки ей позвонил, но действительно услышал лишь долгие гудки.

По метрополитенной привычке он старался не пялиться на сидящих напротив, но в какой-то момент его рассеянный взгляд сфокусировался сам собой на бейджике, прицепленном к плоской груди седой очкастой тетке, гласящем: «Следуй за Христом!»

Сектантка какая-нибудь, проповедница? Сухая, ледащая, с поджатыми губами и неsgiбаемой осанкой... Витька хмыкнул про себя, сошел на «Курской» и в очередной раз в плотном людском потоке перебрался на Кольцевую.

Где на первой же станции, «Комсомольской», в вагон сел Христос собственной персоной.

Длинный сутулый тип в неопределенного цвета хламиде а-ля смирительная рубашка, с грязно-

Алексей Евдокимов

ватыми темными волосами на плечах, с темной бородкой, с вытянутым худым, изможденным даже лицом, словно только с креста. С какой-то бесформенной сумкой через плечо. Увидев его, Витька уже особо и не анализировал дальнейших собственных действий. Не подавая виду, что заинтересовался диковатым персонажем, он висел себе на поручне, разглядывая и не видя очередную рекламу очередного дерьма («МАС ЛИ. Порционные продукты на заказ») — и лишь когда поезд стал сбрасывать скорость, осторожно покосился через плечо.

«Христос», похоже, намыливался выходить уже тут, на «Перспекте Мира». Витька меланхолично повернулся к другой двери, бормоча: «Follow the white rabbit» и предчувствуя — что?.. Ощущение было будоражающим, пузырящимся, но предельно неконкретным. Хотя оно и не могло быть другим: ведь если б Витька знал, чего ожидать, все лишалось бы смысла...

Безумненький тип двинул в переход на Калужско-Рижскую. Вышагивал широко, хорошо видимый благодаря росту. Витька шел сзади метрах в двадцати, готовый к чему угодно. Где и как откроется моя кроличья нора?.. Совершенно бесполезно гадать заранее...

Ага. Направляемся вон из центра.

Они спокойно загрузились в поезд и проехали три остановки. На «ВДНХ» вышли и встали на эскалатор. Наверху был уже вечер, небо тяжело светилось, отблески поскальзывались на вогнутом фасаде «Космоса». Ощупью полз монорельс. На выходе из метро Витька вдруг потерял своего «ведущего» (или все-таки ведомого?), причем как-то со-

вершено неожиданно, словно тот долго усыплял его бдительность и вот скрылся, проделав хитрый финт. Витька завертелся на месте, рванулся туда, сюда, кого-то задевая, обращая к себе безразлично-мобилизующиеся посторонние взгляды... Когда он снова нашел глазами «Христа», тот как раз сидел в синюю «Вектру» на площади де Голля. Он подбежал к бровке, чтобы видеть, как тачка, газанув, уходит в сторону центра, быстро теряясь в разноцветной автомобильной лаве.

Витька тут же вытянул руку, но, когда спустя полминуты возле него остановились, догнать было некого. Он назвал водиле адрес Троянской, повторяя про себя зачем-то номер «Вектры»: «484 МАС». Код какой-то не московский: 30, кажется. МАС... МАС... А это — что-нибудь значит?

Бесполезно... Если это знак, то по определению бесполезно искать в нем смысл. Ведь задача — уйти от смысла. Выйти за пределы смысла и опыта. Туда, где нет ничего, кроме абсурда, и не на что полагаться, кроме голой интуиции...

А престарелая мельница чешет по проспекту Мира между сталинских сундучиц, потом крутит по развязкам у Рижского вокзала, и на каждом повороте, в каждой новой перспективе восьмичасовое небо, по-московски громадное, захватывающее и недоброе, выглядит иначе, щедро меняя цвета и формы: то горизонтальная облачная слоенка, просаженная Останкинской иглой, то драные экспрессионистские кляксы, и прямо в это небо ты разгонишься, взлетая на Рижскую эстакаду: в оранжевое, золотое, палевое, бурое, сиреневое, лиловое... Кровоточат впереди кормовые фонари, вспыхи-

Алексей Евдокимов

вает последний блик в верхнем окне какого-то здания справа — там внизу, в индустриальной неразберихе, хлопотливо тасуются пути, пути, пути, толпятся разноцветные вагоны, ползают маневровые тепловозы и горят красным часто понатыканные среди рельсов светофорчики. А ты несешься по Третьему кольцу вместе с лакированными ящиками внедорожников и пыльными коробочками «девяток» вниз, в туннель, и снова вверх, под чудовищное табло «Соблюдайте скоростные режимы», под густую непрерывную капель зеленых электронных стрелок; и справа — над крестами и шпилями — все туманно-золотистое и голубое, а слева, над двускатными крышами и строящимися высотками — розовое и фиолетовое с серой окантовкой. «До Бакунинской, пожалуйста... И за перекрестком налево, где магазин «Алые паруса». Ага, к нему...»

Ленка, заинтригованная просьбой об убежище, в качестве подношения сразу практически затребовала провизию, объявив, что в холодильнике голяк. Витька чуть было не расплатился карточкой, в последний момент выдернув ее из рук кассирши, и торопливо принявшись считать налик (причем с неприятным чувством обнаружил, что того совсем немного). Разумно ли вообще было зависать у Троянской?.. Витька надеялся, что на нее так быстро не выйдут: просто о ней пока немногие знали. Если ЭТИ куда и нагрянут в первую очередь, то скорее уж к Каринке (он преодолел слабый, довольно формальный спазм раскаяния)... Но и у Елены долго торчать, конечно, нельзя.

Витька снова чувствовал острое желание не-

медленно слинять из Москвы. При том, что с самого начала он решил этого не делать. Во-первых, непонятно, куда. Во-вторых, именно на такой, напрашивающийся, вариант ОНИ, скорее всего, рассчитывают сами. Ну а, в-третьих, и в единственно важных, он помнил, зачем ввязался во все это: смысл не в том, чтобы бежать по поверхности, а в том, чтобы вглубь...

Держа на отлете цепляющийся за ноги увесистый пакет, он остановился на перекрестке Бакунинской и Третьего кольца, пропуская машины, ленись спускаться в переход. Справа, между раздвинутых многоэтажек, в просторной перспективе многорядки отчеркнутая по линейке Останкинская вышка, условная, как ось ординат, лишь утрировала бесформенность и безразмерность закатного мира, калящегося, текущего, разлезающегося, в кои-то веки зримо податливого. Витьке мгновенно вспомнилось: «Сумерки — это час прорех, расползания швов, час, когда видны просветы в эзотерический мир, когда на некоторый миг утрачивается спокойствие и хрустальные своды небес слегка колеблются...»

Покачивая пакетом, он шел в сторону Бауманской. Слева, за сетчатым забором, под вывеской «Гранитная мастерская» сгрудилась небольшая толпа кладбищенских памятников. На многих были надписи и портреты — иногда недописанные и недорисованные. Витька машинально полз взглядом по лицам, фамилиям, датам... Вдруг остановился. Медленно повернулся влево и сделал полшага к сетке. На прислоненной к стене мастерской плите — черной, небольшой, с неровной, «природ-

Алексей Евдокимов

ной» верхней гранью — было его собственное лицо. Подпись под портретом отсутствовала, а из двух дат гравер успел высечь лишь две цифры. Два ноля.

2

По-прежнему оставался непроясненным момент чисто технический: насколько опасно пользоваться мобилой? Что может сказать о его местонахождении один-единственный звонок?

В сотовых компаниях знакомых у Витьки не было, а те, кого он опросил еще днем по телефону из метро, конкретикой, как и следовало ожидать, не владели. Только вечером он вспомнил о Егоре.

Нельзя сказать, что Витька вспоминал о нем так уж часто (хотя довольно регулярно), и повод обычно не имел к самому Егору никакого отношения. Как, допустим, нынешний: вряд ли парень особо разбирался в технологии мобильной связи. Оставалось надеяться, что когда-нибудь что-нибудь он про это слышал или читал. А главное, что сейчас он окажется хотя бы чуть менее не в духе, чем обычно.

Витьке повезло, причем дважды. Ответ на его эсэмэску пришел всего через двадцать минут: Егор велел перезвонить, поскольку не имел кредита. А когда Витька перезвонил — с Троянской, естественно, мобилы — то на прямой свой вопрос (обиняки Егор ненавидел) немедленно получил короткую отрывистую лекцию.

«Вся территория покрытия данного мобильного оператора поделена на так называемые соты,

откуда и термин. В каждом — своя вышка с точно известными координатами. Техническая информация о любом соединении, помимо, понятно, номера, включает адрес вышки и сектор, то есть расположение телефона относительно этой вышки. Еще фиксируется сила сигнала, а по ней можно определить, звонишь ты с улицы, из здания или там из машины. Точность — метров триста-пятьсот... — он помолчал и пояснил: — «Итоги», второй майский номер...»

Вот тем Егор и был ценен — он не забывал ничего. Не только из прочитанного и услышанного, сколь угодно случайно, а вообще ничего. Он обладал абсолютной, зеркальной, фотографической, короче, стопроцентной, тотальной памятью. Не тренированной, как у какого-нибудь «mr'a Метюгу» Доминика О'Брайена, а врожденной.

Это был вполне научный феномен, то есть научно зарегистрированный (в детстве Егора подвергали какому-то спецобследованию), но, кажется, никак научно не объясненный. Причем сам «Джорджи-Мнемоник» ни малейшей практической пользы из уникальной способности своей за всю жизнь, кажется, так и не извлек, а попытки других этой способностью воспользоваться вызывали (в силу многочисленности) у Егора изрядное раздражение. Правда, у Егора практически все явления окружающей действительности вызывали раздражение — Витька не знал никого, кто хотя бы теоретически мог бы соперничать с ним в неуживчивости: тут Егор тоже был, пожалуй, феноменален. Способ общения с человечеством парень установил односторонний: никогда не отве-

Алексей Евдокимов

чал на звонки (то есть, может, на чьи-нибудь и отвечал, но кто входит в круг избранных, если такой существует, Витька не имел понятия) — только принимал эсэмэски и, кому хотел, отвечал. Большинство общих знакомых вероятность отклика полагали близкой к статистической погрешности, но Витьке русшиш вундер, кажется, почему-то благоволит...

Впрочем, сейчас Витьке было не до того — он боролся с желанием ахнуть по телефону молотком для отбивных и спустить обломки в унитаза. Нельзя, нельзя... Даже отключить нельзя. Единственное, что он решил сделать завтра же утром, купить новую сим-карту, чтобы самому звонить по необходимости с нее. Хотя понимал, разумеется, что и ту, приобретенную на собственный паспорт, вычислить будет не проблема. (Наверное, стоило обзавестись левыми документами, но где таковые раздобыть, сугубо законопослушный Витька не представлял.)

Параллельно он наблюдал за реакцией Ленки, сознавая, что в ее глазах его поведение должно выглядеть чем дальше, тем более дико. Но что он мог ей сказать?.. В первый же вечер он чуть не проговорился... и хотя ничего толком сказать не успел, выраженьице на лице у Троянской поймал такое, что зарекся откровенничать даже в малой степени.

Дело было в распространенной, свойственной и Ленке тоже, привычке держать телик все время включенным. Там закончились какие-то новости и началось какое-то ток-шоу. Витька потянулся было за пультом — вырубить, но почувствовал вдруг специфическое любопытство. Шоу было «семей-

ным», максимально ему омерзительным, но теперь, когда счет был вроде как обнулен, вся эта жуть уже не должна была иметь над ним власти, и чтобы проверить степень собственного пофигизма, он решил послушать...

Ведущая, здоровая третьей свежести кобыла с голосом и манерами бандерши (бывшая поп-звезда), фальшиво-сочувственно подвывая, вытягивала из гостей сально-смердные подробности их семейно-сексуальной житухи. Разнообразные гости, в большинстве провинциалы, в судорогах слезной жалости к себе сладострастно расковыривали болячки. Простой до внешних признаков вырождения народ в студии злорадно сопереживал и праведно негодовал. Поминались мужья-алкоголики с садистскими замашками, суки-свекрови, шлюхи-невестки, дети-уголовники и дети — жертвы растления. Букетистый духан перегара, подгорелой каши, пьяной рвоты, пубертатной поллюции, нестираных носков, использованных прокладок пер от плазменного экрана, как из прорванной канализации.

Витьку, вопреки стремлению абстрагироваться, до костей продрало: стоило подумать о количестве людей, живых как-никак душ, вот в этой вот, в его стране, не знающих, не способных, да и не желающих представлять себе иной реальности. Подумать, что пьяное свинство, взаимное мучительство, тихое или напоказ, взаимное и всеобщее раздражение, повседневное изуверство, убогие эмоции по убогим поводам у них и называются жизнью, что они *вот так вот, вот этим вот* и живут — не все страшно, но все чудовищно

Алексей Евдокимов

скучно; однако же единственное средство от скуки, доступное им, — это подглядывание за соседом, которому херовее, чем тебе...

— Ты чего там смотришь? — подозрительно прищурилась на пороге комнаты Троянская, держа на манер хирурга поднятыми кисти, жирные от готовки.

— Смотрю на так называемую обычную жизнь, — медленно ответил Витька, вырубая звук. — На так называемых обычных людей...

Ленка глянула странновато:

— И что ты надеешься почерпнуть?

— Пытаюсь понять, что заставляет человека законопачивать для себя все отверстия в мир, зацикливаясь на самом тухлом: на быте и физиологии...

— Как будто жизнь не состоит из быта и физиологии, — она пожала плечами. — Из еды, денег, любви, нелюбви. Из мужей, частенько склонных поддаться, жен, которые, случается, изменяют, детей, болеющих и попадающих в ментовку...

— Если она состоит ТОЛЬКО из этого, — покачал головой Витька, — это не жизнь. Не-жизнь, жизнь мертвечины, как у упырей...

— В таком случае девяносто процентов твоей страны — упыри, — фыркнула Троянская, возвращаясь на кухню. — Знаешь, какие у этих шоу рейтинг?.. Во-во.

Он стоял в дверном проеме, глядя, как она, сдувая волосы с лица, справляется с оранжевыми пластинами лососины.

— ...С другой стороны: а чем ты им предлагаешь интересоваться? — Ленка бросила в мойку лязгнувший нож. — Идеями? Какие идеи в нынеш-

нем мире?.. — тронула нос тылом запястья. — Искусством? Оно вообще где-то сейчас производится? По-моему, то, что сейчас называется искусством, — это чистые муляжи и бирюльки...

— Рейтинги... — повторил Витька. — Конечно, чем больше народу ты попытаешься удовлетворить разом, тем примитивнее выберешь способ... — Он механически провел ладонью по гладкому косяку. — Самая хана именно тогда и начинается, когда берется человек коллективный, когда действует среднее арифметическое. Сообща мы можем только загнать себя в такую вот глухую могилу стандартной, апробированной обыденности. Соответственно, выйти — только в одиночку...

Наверное, стоило говорить все же не так серьезно, подпустить в интонацию легкомыслия — это он сообразил по лицу обернувшейся Ленки.

— Не бери в голову, — оскалился Витька как можно безмятежней, но понял, что внезапный этот выпад она уже добавила в коллекцию его сегодняшних странностей. Нет, пока Троянская особых вопросов не задавала, и отказ поехать в центр где-нибудь посидеть, загнавший ее на кухню, со ссылкой на усталость-задолбанность приняла, и даже известие о его неожиданном отпуске. Но он отдавал себе отчет: долго делать вид, что ничего особенного не происходит, по-любому не выйдет...

Впрочем, ни черта выдумывать и не пришлось. На следующий день в начале третьего (Троянская была на работе) Витька валялся на диване с увесистой, теплой, пахнущей пылью плюшевой игрушкой, ее полутаксой, на ногах и писал по «мылу» (со вновь созданного сетевого ящика) тем, у

Алексей Евдокимов

кого теоретически мог бы залечь «на подольше». Он пытался вспомнить адрес Михи Ткачука, когда пробили судовые склянки. Витька вздрогнул, стряхнул вялую псину на пол, переложил «лаптоп» на сиденье, встал, цепляясь за интернет-кабель и чертыхаясь. Схватил с подоконника телефон. «Принято одно сообщение». «Открыть». *«Пробили они твою Лену. Двигай. Мас».*

Даже не выключив комп, он прыгнул на балкон за сохнувшими носками, потом в прихожую за кроссовками (полутакса на это мельтешение укоризненно затыкала), торопливо, путаясь в ключах, запер замки... Прислушался. Бегом слетел вниз, протолкнул связку в щель почтового ящика... Осторожно приоткрыл дверь подъезда, осторожно выглянул. Шагнул через порог, пару секунд потоптался у входа, вертя головой.

Район тут, близ метро «Бауманская», был тот еще. Дрых на лавке алкаш. Слева у помойки совещались кружком бомжи: трое вполне себе грязных-опущенных плюс молодой, хорошо одетый парень в очках, явно принимаемый ими за своего.

— ...Ты что, не слышал? А? Я что, не тебе, блин, говорю? А?.. — завывала на одной ноте голенастая молодая маман с устрашающим, дергающимся под маечкой в такт голове выменем. — Что ты вообще мне тут, а?!

— А-а-а-а!!! — столь же однотонно, занудно и удивительно фальшиво отвечал налитой брыкастый отпрыск лет двух с наглым личиком.

— «Люди, одумайтесь, люди, одумайтесь! — шепотом процитировал Витька группу «Ноль», вливаясь в прущий к метро негустой, но целенаправ-

ленный поток. — Вы все сошли с ума, вы все сошли с ума!..»

Он шел мимо лотков с пиратскими ди-ви-ди и с фруктами, мимо «Пункта переработки вторсырья», облезлого киоска, сплошь в огрызках объявлений («Скатерть тефлоновая»), мимо жестяного короба вроде гаража, за приоткрытой дверью которого смуглый хач с грохотом всаживал топор в красно-белые подушки сырого мяса, мимо стихийного рыночка, где как-то вечером наблюдал торчащие вертикально из мешка ноги «ополовиненных» (снизу до пояса) манекенов для штанов...

Завернув за угол станционного вестибюля, подойдя к самым входным дверям, он не стал соваться внутрь, а остановился спиной к стене. Чуть подождал, пропуская народ, следя, не затормозит ли кто. И вдруг поймал себя на том, что в неиссякаемой, грузно валящей мимо, строго в одном направлении толпе, пинающей его какими-то сумками, оплевывающей незатушенными окурками, не способен различить отдельных составляющих.

Витька тряхнул головой и двинул назад, выгребая против их жуткого течения. Потолкался на рыночном пятачке в жирном запахе шаурмы и уже бегом направился направо, в проход между «стекляшками». Завернул в одну из них, торгующую, как оказалось, фильмами, где из-за неработающего кондиционера вдыхать приходилось теплый кисель, некоторое время наблюдал сквозь дверь за улицей. Он понимал, насколько смешны его маневры, но хоть что-то предпринимать стоило... наверное...

У входа в магазинчик Витька видел здоровый,

Алексей Евдокимов

измалеванный всеми цветами спектра щит — рекламу подборки дисков с безразмерным реалити-шоу, столь популярным, что даже Витькину память его название успело испачкать: интрига там состояла вроде бы в том, что молодые смазливые имбецилы обоих полов спаривались в разных комбинациях и разбегались после обязательных визгливых скандалов, расцарапанных рож и битья посуды (плюс ведущая: вусмерть отпиаренная на гламурном поприще шаблонь с внешностью и мозгами резиновой бабы)... Черт, совершенно невозможно тут дышать...

Он уже шагнул к двери, когда сообразил, что парень напротив, возле узбекской забегаловки, прохаживающийся туда-сюда с мобилой у уха, торчит там все то время, что Витька здесь... И, кажется, все время говорит по телефону... Регулярно бросая исподлобья взгляды по сторонам... Немаленький такой тип, спортивненький... Вдруг показалось, что где-то Витька его уже видел...

Тут же пришло в голову: ведь отсюда мне некуда отходить. Интересно, решатся ОНИ, если что, крутить меня на глазах у кучи народа?.. Проверять это у Витьки желания не было. Он выскочил и втопил дальше почти с максимальной своей скоростью (насколько можно было ее поддерживать в довольно людном месте) до перекрестка и оттуда в первом попавшемся направлении...

Следующие полчаса он петлял бегом и шагом, кое-как унимая непривычную к такому спорту дышалку, незнакомыми переулками и дворами, беспрестанно оглядываясь, задерживаясь в подворотнях, окончательно запутываясь... и в конце концов

оказался, взмокший, отдувающийся, очумелый на набережной Яузы напротив Лефортовского, кажется, парка.

Неожиданно долго пришлось ловить мотор в сторону центра. Но только выбравшись из «Волги» у метро «Китай-город» на Варварке, Витька подумал о том, что пока так и не представляет себе дальнейшей «вписки»... А также — что врать бедной Троянской...

Хотя... зачем теперь что-то вообще объяснять?..

3

В итоге он залег у Михея. Во-первых, у них с Ткачуком было мало общих знакомых (а значит, имелаась надежда, что на него сразу не выйдут), во-вторых, у Михи хватало безумия, чтобы ничему особо не удивляться. Длинный, жилистый, ушастый, с обаятельно-звероватой рожей, он слыл городской (и даже, возможно, национальной) достопримечательностью — дауншифтер, бродяга, мистик, гуру, «белый дикарь». Витька его обычно приветствовал с интонациями Генри Мортон Стэнли: «Doctor Tkachuk, I presume?»

Выяснилось, что Михей как раз намылился в очередную экспедицию по Центральной Америке приобщаться тамошних колдовских практик. Неожиданного гостя он сплавил на дачу в деревеньку со стремноватым названием Омутище, что на Клязьме во Владимирской уже области, неподалеку от Веничкиных Петушков.

В здешнем двухэтажном коттеджике в отсутствие хозяев Витька провел следующие три дня и

Алексей Евдокимов

четыре ночи в полнейшем безделье и безмятежности, постепенно и сам переставая верить, что что-то происходит. Листал найденную на полке «Естественную историю» Плиния Старшего. Временами ему представлялось, что он читает собственные Михеевы отчеты о путешествиях — не сразу поймешь куда: в реальную Африку или в псилоцибиновые дебри. Вот тебе еще один вариант путешествия *внутрь*... «Нигер берет начало между областями тареллийских и экалийских эфиопов. Недалеко от них живут атланты, полудикие эгипаты, блеммийцы, гамсафанты, сатиры и гимантоподы... Атлантам чужды человеческие обычаи, они не называют друг друга по именам. Троглодиты роют пещеры, это их дома, пища — мясо змей, а вместо голоса — шипение. Авгилы чтят только подземных богов. Гамфасанты ходят голые и, не имея никакого понятия о войне, не общаются ни с одним чужеземцем. Рассказывают, что у блеммийцев нет голов, рот и глаза находятся на груди. У сатиров, кроме внешнего сходства, нет ничего человеческого; эгипаты выглядят так, как их обыкновенно изображают. Гимантоподы ко-солапы, они не ходят, а ползают...»

Собственно говоря, и дом, и участок были не Михеевы, а его новой жены (то есть формально даже не жены) Веры. Та хотя и принадлежала к жуликоватому племени интерьерных дизайнеров, занималась все же делом, а не разводкой богатеньких идиотов (Витька посетил один из оформленных Верой кабаков, где было по меньшей мере забавно). Такая маленькая, коренастенькая девка на пару лет старше Михея, на диво непосредствен-

ная и, по некоторым слухам, а также косвенным признакам, порядком шизанутая. Под стать Ткачуку. Впрочем, кажется, в хорошем смысле. Во всяком случае, она производила на Витьку куда более благоприятное впечатление, чем прошлая, законная Михина половина. Эта самая Оксана (или Олеся?) из HR-компании (вроде бы), о которой знакомые отзывались со странным пиететом. Хотя насколько мог судить Витька, видевший mme О пару раз, то была обыкновенная московская камбала с деловой стрижкой и истерическим голосом: она носила видимую ей одной титаническую свою сексапильность, как подступившую к горлу рвоту, держась неестественно прямо, ни на кого не глядя, с мучительно-отрешенным лицом, из-за густого лампового загара кажущимся чумазым.

Вечером пятницы, когда в Омутище нагрянули хозяева с целым багажником жратвы-выпивки, когда они оживили имеющуюся на участке маленькую баньку и принялись шастать из парилки в предбанник, заправляясь не успевшим охладиться пивом, говорливая Вера расписывала свою клиентуру:

— ...Некий Славик Угрёмов. Делала я ему интерьер дачи. Домик не где-нибудь, а в поселке Успенское. Не знаешь такого поселка? Это на Рублевке. Участок тридцать соток. Раньше он принадлежал оздоровительному комплексу «Сосны» Управделами президента. Так вот, Славику эти государственные тридцать соток в личную собственность достались бесплатно. Причем рыночная стоимость каждой — минимум сто штук долларов. То есть государство ему просто подарило свои, то есть как бы общенародные три лимона...

Алексей Евдокимов

— И кто же он такой, этот Славик? — спросил Витька, сдерживая пивную отрыжку.

— Никто. Хозяин частной охранной фирмы, — хмыкнула. — Бандит под крышей ФСБ.

— И чем он так отличился перед управделами?

— Его папаня был главой эфэсбэшного Департамента по борьбе с терроризмом. Причем папаня помер еще за несколько лет до того, как Слава эту земельку с дачкой приватизировал..

— Просто в свое время эфэсбэшным генералам (включая тех, кто на момент «раздачи слонов» уже уволился) и даже их родичам глава администрации Одинцовского района, такой Александр Глодышев, бесплатно раздал в собственность полсотни, что ли, государственных гектар... — вставил Михай, колдующий с полешками на корточках у топки. — Естественно, незаконно, но что такое закон в России?.. Понятно же, что это он не по собственной инициативе — без прямой санкции из администрации президента такого не сделаешь...

— ...Это «Горки-2», «Барвиха», — перебила Вера, вскрывая «Велкопоповицкого козела», пустившего ей на босые стопы пенную слюну, — самая дорогая земля в России. Бывшие ведомственные поселки, санатории. Причем многие приватизировавшие тут же выставили землю на продажу. Там не только эфэсбэшники прибарахлились — еще правительство Московской области, включая громовского пресс-секретаря, которому обломались семьдесят две, по-моему, сотки (то есть больше семи лимонов), прокурорские, судейские. Яков Вениаминов, бывший председатель этого самого... Высшего арбитражного суда, который активно

помогал упечь Ходора, получил пятьдесят соток как раз за неделю до ареста последнего...

— Ну как там? — осведомился у Михея Витька, которого от всех этих разговоров брала привычная, просто в последнее время совсем уж какая-то нестерпимая тоска.

— Ладно, проканает, полагаю... — Михей грохнул заслонкой и распрямился. — Пойдем еще попотеем. Вер, сделаешь шланг?..

Они содрали с бедер полотенца, похватали дощатые «поджопники» и поспешно нырнули в парилку. Витька полез наверх, а Миха, подцепив ковшиком воды в тазу, быстрым, жуликоватым каким-то движением плеснул на камни, шикнувшие, фукнувшие, яростно дунувшие белым едким паром — Витька едва успел задержать дыхание.

— Так куда ты, говоришь? В Мексику? — спросил он через некоторое время, глядя перед собой, размеренно и осторожно работая легкими, щупая нижней губой покрытую соленой влагой верхнюю.

— Мексика, Гватемала, Сальвадор, Никарагуа, Коста-Рика, Панама... Ну и как получится...

— Далекое... — Витька машинально смазал запутавшуюся в волосах на груди щекотную струйку.

— Ну так в том и смысл...

— Бежишь, — с ухмылкой повернул к нему голову Витька, — из Арканара?..

Михей пожал слизисто поблескивающими плечами:

— А че тут делать?

— Во-во...

Нечего, думал он, словно лишний раз себя убеждая... Не-че-го.